

Е. А. Ермолин

Сетевое присутствие российского интеллигента в глобализирующемся мире

Выполнено по гранту РГНФ 12–03–00137

В пространстве неиерархической культуры миссия интеллигента как производителя смыслов реализуется в процессе перманентной сетевой активности.

Ключевые слова: интеллигент, интеллектуал, социальные сети, воспроизводство харизмы.

Е. А. Ermolin

Web presence Russian intellectual in a globalizing world

In the space of non-hierarchical culture the mission of the intelligentsia as a producer of meanings is realized in the process of permanent network activity.

Keywords: intelligent, intellectual, social networks, reproduction of charisma.

Острый кризис иерархий и кажущееся отмирание самого иерархического принципа в современной культуре, динамичная перестройка социокультурного пространства по сетевой логике проблематизируют статус и роль интеллигента как обладателя особого призвания, авторитетной миссии, связанных с путеводительством, наставничеством, духовным руководством. Это проявляется, в частности, в распаде литературоцентризма, упадке значимости слова и иссякании потенциала жанров, которые оформляют такое слово для публичного предъявления. Известного философа и музыканта Владимира Мартынова, к примеру, ситуация характерным образом наводит на мысль о закате литературной эпохи, «отмирании цивилизационных, экзистенциальных и метафизических импульсов к литературной деятельности» [5, с. 157]. Она подробно развернута в его «автоархеологических» сочинениях [5; 6], причем автор даже приветствует «то, что может освободить нас от многовековой гегемонии литературы, блокирующей состояние пребывания в реальности, и открыть путь к новым горизонтам, к новым взаимоотношениям реальности с сознанием» [5, с. 149].

Интеллектуал-литератор всегда был вне ритуала, вне буквализма таинств. Литература адогматична, это ее конститутивный признак. В ней поисковая интенция важнее догматической точности. Создается пространство свободы в общении с миром и Богом. Однако писатель все же

претендовал на универсальную значимость своего сообщения. Эта привычка увеличивала его масштаб в литературоцентричном мире. Его сочинения дополнительно капитализировались за счет удостоверенных и особо надежных связей писателя с истиной, в качестве «законодательно-го искусства» [см.: 3; 4].

Современность дает для этого, однако, мало оснований. Интеллигент-писатель теряет присвоенное ему и освоенное им некогда право монопольного творца/конструктора/интерпретатора истины. Уже нельзя абсолютизировать его былую роль хранителя «зажженных светов» (по Брюсову), заключившего свободу духа в манифестально-трактатные, монологические формы, которые обеспечивали необходимую меру его неуязвимости.

Приходит в упадок книжная культура. Фиксируя как центральную для идеологии культуры проблему вопрос «передачи от группы к группе, от поколения к поколению» смыслов и ценностей, социолог Борис Дубин симптоматично заключает: «Культура, собственно, и есть то, что передается от поколения к поколению и заставляет каждое поколение быть лучше. Мы находимся сейчас в ситуации, где все эти максимы становятся незначимыми. На мой взгляд, это период прощания с книгой не потому, что книга исчезает как бумажный предмет, а потому, что она исчезает как идея, как образец, как ориентир, как событие. Многие и многие, как выясняется,

могут обходиться без нее» [2]. Деградирует в своем социальном статусе «толстый журнал» с направлением – объясняющее жизнь и мобилизующее аудиторию в течение двух веков ядро российской журналистики.

Информационный взрыв, эскалация массовых коммуникаций, доминирующие в культурном пространстве сетевые взаимодействия уравнивают все со всем, стирают грани и сглаживают рвы, вполне в духе Лесли Фидлера с его небезызвестным призывом «Пересекайте границы, засыпайте рвы» (1968).

Однако и в XXI веке сохраняется сетевое присутствие интеллигента-интеллектуала при всей его парадоксальности, при отсутствии гарантий и наличии рисков. Как оно выглядит? Как производитель новых смыслов и хранитель скрижальных истин ощущает и реализует себя в новой культурной реальности?

Происходит обновление пространства возможностей, обостряющее связанные с ним риски. Приходится констатировать, что сегодня интеллигент может быть осознан и опознан не столько как хранитель, сколько как творец смыслов и идей – осязательная личность: воплощение тревожной и взыскательной духовности, бродильный фермент ищущего духа в социальных дебрях, собеседник вечности. Это человек незавершенного поиска, обнаженных нервов, человек смятения и страсти. Рефлексер, правдо- и богоискатель, борец с мертвящей рутинной быта, стандарта, отжившей свое нормы...

С него сняты обветшавшие и неубедительные ныне древние статусные облачения образования, конфессии и партийности, профессии и должности, класса и нации. Он может претендовать только на личную харизму. Это не стабильное лидерство, а постоянно проявляемая инициатива, получающая или не получающая отклик, имеющая резонанс или растворяющаяся без остатка в оглушительном информационном шуме.

Он не декларирует, а общается, контактирует, пребывает в диалоге, напрочь теряя преимущества, связанные с авторитарно-монологическим способом вещания. Он ценен собеседникам-современникам не столько как гуру, сколько как товарищ по сердечным хворям и риску мысли.

Суждение и свидетельство о мире и человеке меняют свой характер оттого, что мир и человек непоправимо меняются. В них все меньше той надежной прочности, которая когда-то определялась понятиями *среда, тип, характер, класс* и

пр. В них все больше вариативности, ситуативной протестичности. Фиксировать такую реальность можно почти лишь мимолетными касаниями. Стабильность – отныне враг истины.

Искусство в целом тяготеет чем дальше, тем больше к субъективной экспрессии, к спонтанности и синхронности, становится оперением момента. До поры, до времени литература как пространство авторитетных суждений о бытии тормозила, не шла на поводу у доминирующего тренда. Но вектор актуального искусства захватывает и увлекает и ее. Конститутивный признак новой словесности – влечение к уникально-персональному, причем по максимуму животрепещущему, сиюминутному.

Сокращается приемлемый ресурс систематизации и обобщения. Он становится не всем доступен и не всем интересен. Писатель не может уже претендовать на общезначимость выражаемых им смыслов и ценностей. Его героическое эго («здесь стою и не могу иначе») обесценивается, выглядит шизоидной упертостью, «комплексом».

Нет или почти нет и тех больших комплиментарных ему сообществ, для которых характерна тотальная солидарность, стабильная общность социального, мировоззренческого бэкграунда.

Обобщающая, продуцирующая общие смыслы литература уходит в сторону масскультовского мейнстрима, сплавляющего жанровые матрицы с модными идеосимуляциями (массовая литература, пиар, реклама).

Можно констатировать переход от литературы к словесности, от писателя к автору, от автора-лирического героя – к автору-артисту. Определяющим элементом творческого присутствия автора-акциониста и перформансиста становится его медийность: площадка его высказывания определена тем, где автора находит его аудитория, отношения с которой строятся на основе усугубляющейся взаимозависимости.

Интеллектуал становится заложником актуального, часто вынужден спешить, журналистничать. Самым достоверным для писателя становится сегодня, а не вчера и не завтра. Вся наша жизнь в итоге невероятно сгустилась именно в точке сегодня. Немыслимо отложить актуальное на потом. И это еще и потому, что не будет никакого потом, будущее туманно, непредсказуемо, непрогнозируемо. Оно не принесет искомой ясности. И нужно иметь какие-то почти невероятные основания, чтобы все-таки забыть о насущно-сегодняшнем ради чего-то иного. Также и от-

ступление в прошлое – обычно скорее прием для свободной рефлексии о моделях вполне актуального сознания и поведения. Для многих авторов часто нет достойно-убедительной задачи, помимо достоверно-личного свидетельства о проживом (характерно, что именно так строит свои соображения упомянутый Владимир Мартынов).

Это порождает мистериный опыт предельной и запредельной свободы, где нет никакого связывающего духовный поиск внешнего земного абсолютного авторитета, а творческая личность непосредственно участвует в глобальной жизни и даже в вечности и обращается к миру или к Богу без посредников, диалогически раскрывается в персональном контакте с ними. Нужно предположить в этом возможность духовного прорыва к истокам культуры, движение поверх ее исторических форм, всегда слишком тесных, к ее творческим первоосновам.

Современные гнозис и праксис интеллектуала трагичны. Истина теперь рождается иначе, чем прежде, в той запредельной конкретике ситуативных поводов, из которых состоит поток сквозного бытия, она имеет текуче-дискретную, трагико-экзистенциальную природу, в ней есть зияющая поисковая незавершенность, есть риск ошибки и мистика интуитивного прорыва. Она взрывает контексты и вызывает к подтекстам, каждый из которых лишен окончательности и никуда не ведет, ничем не руководит, но лишь мерцает неуловимым намеком на ту последнюю глубину, которая известна, наверное, только Богу как крайнему, недостижимому пределу религиозного опыта или совсем уже никому в безрелигиозном сознании.

Располагают к новому самопредъявлению интеллигента-интеллектуала и новые технические средства самовыражения: интернет, социальные сети и блоги. Именно здесь особенно наглядно проступает новая реальность творческого опыта интеллектуала.

Персональный компьютер и интернет (а еще раньше кинематограф и телевидение) создали новую медийную и общекультурную среду, определили ту магистраль постмодерна (трансавангарда), в которой с неизбежностью меняются характер, способ высказывания. Традиционные средства и формы отходят на периферию или, по крайней мере, все менее востребованы. По словам Бориса Дубина, «элиты в интернете невозможны. Так же как невозможны элиты на телевидении – там не нужен никто, кто говорит: это хорошо, а это – плохо»... [2]

В новых медийных средствах моментальное обычно доминирует, а стабильно-глобальные смыслы растворяются в завязанном на злобу момента коктейле единственного «настоящего». Возникает новый тип авторско-аудиторного взаимодействия и аудиторного соучастия в словесности.

Авторский текст становится пульсирующим высказыванием (постом, комментарием) в потоках актуального бытия: злободневной репликой, испускаемой в свободное реактивное пространство, отзывающееся (или не отзывающееся) лайками и ответными репликами-комментами на стене. Это уже даже не «история современности», это летучая симптоматика актуального.

Есть френдлента как новая базисная данность: текучая, зыбкая, ускользающая, неуловимая, ситуационная общность неопределенного множества факультативных высказываний, коллективный продукт перманентного, уходящего в неопостижимую бесконечность интерактива. Содержание высказываний может быть любым, вес же каждого из них зависит не столько от него самого, сколько от размеров реакции на него в сетях.

По утверждению Бориса Дубина, «то, что есть в интернете, – не книга, а текст, а это совсем другая вещь: текст вставлен в нашу коммуникацию с такими же, как мы, но не предназначен для перехода от поколения к поколению и не занимает место в твоей интеллектуальной биографии. Текст виртуален. С одной стороны, это замечательная сила, позволяющая жить, преодолевая время и пространство в доли секунды. С другой стороны – это не способно породить те формы, которые удерживают культуру, образец, и в этом смысле не работает на возникновение и поддержание элит» [2].

Отсюда неизбежные сложности не только с элитарно-авторитарной позицией, но и даже с фиксацией личностной идентичности как таковой в режиме представления сетевых текстов.

Тем не менее, наблюдения за динамикой авторского присутствия в Живом Журнале и в Facebook'e показывают, что харизматическое лидерство не стало в полном смысле пережитком, а интеллектуальные прорывы творческой личности находят отклик и (особенно в Facebook'e) распространяются через систему лайков и комментариев непредсказуемыми по направлению и амплитуде маршрутами.

Характерный пример – работа в Facebook'e Дениса Драгунского, писателя, журналиста, политолога, драматурга, филолога [авторский блог:

1]. Не переставая публиковаться в традиционных изданиях и в традиционных жанрах, он предпринял удачный опыт внедрения в социальную сеть, которая в последние два года стала неизменным «местом встречи», клубом свободомыслящей и часто весьма взыскательной русскоязычной общности.

У Драгунского 5000 френдов, в Facebook'е это нормативный максимум. Регулярно, в среднем раз в сутки, он делится соображениями свободного стиля, которые, как правило, вызывают активный сетевой резонанс.

Вот, скажем, нехарактерно краткая для него, практически афористическая запись: «ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ХУЖЕ, ЧЕМ ПРОДАВШИЙСЯ ИНТЕЛЛИГЕНТ? Только одно: интеллигент, отдавшийся бесплатно» (<https://www.facebook.com/denis.dragunsky/posts/655007134524458>).

Она была сделана 13 сентября 2013 года в 13 часов 22 минуты. За 36 часов запись отметили лайками 216 человек (следовательно, она могла быть увидена френдами тех, кто ее лайкнул), 24 человека сделали перепост. К записи добавлено 30 комментов, например (выделены подчеркиванием ники авторов):

Константин Трапаидзе Если «по любви», то второй лучше.

Denis Dragunsky а если со страху?

Андрей Великанов по любви, но со страхом, да еще за деньги...

Zoya Brook Со страху – можно понять. Особенно, если страх за других. За деньги и их эквивалент – совсем противно.

Павел Палажченко есть варианты: 1) продавшийся, но думающий, что отдался бесплатно; 2) отдавшийся бесплатно, но думающий, что продан; 3) продавшийся, но за такую цену, что практически бесплатно. И другие варианты.

Сергей Горбунов Одно другого не лучше. Хрен редьки не слаще. И по любви, и со страху, и даже по убеждению, и из любви к профессии, и руководствуясь великой целью, и преследуя сиюминутные интересы. А сами попробуйте, кто без греха?

Ирина Астахова очень суетно быть интеллигентом))

Александр Ковалёв ах кудыж нонеча подацца антилихенту?

Ze'ev Fraiman Не только хуже, но и заметно агрессивнее: делает все, чтобы и другие так же поступили

алла какура Главное в том, что истинный интеллигент никогда не скажет, что он интеллигент.

Arkady Tokaev Продавшийся бандит – хуже.

Алексей Днепровой Главное – не продан или бесплатно, главное кому продан или служит бесплатно = за идею!

Roman Miheenkoy Осталось выяснить суть термина «интеллигент». Товарные характеристики для продажи, рыночную стоимость etc

Киселев Виктор Продажные понятнее, как никак заложили совесть в банк, а бесплатные – политически беспросветные.

Андрей Чернов ...дурной каламбур: целиком отдавался (бесплатно, разумеется) любимому занятию – идиома.

Nata Foley выяснить значение слова интеллигент??? Если кому неймется – можете воскресить моих бывших свекра и свекровь (царство им небесное) – помню, ухожу утром на экзамен, стою у лифта, и слышу через закрытую дверь как они кричат моему мужу (ныне – народный артист России) – кого ты в дом привел! Эта ВШИВАЯ ИНТЕЛЛИГЕНТКА не хочет с нами есть из одной миски! Тарелку ей отдельную подавай!!! Ну вот... как-то так...

David W. Gurevich Roman Miheenkoy, Продолжая мысль, следует разобраться с терминами «отдался», «продан» и «бесплатно»

David W. Gurevich Nata Foley, «ныне – народный артист России» – это придает вашему аргументу неповторимость

Nata Foley давид – рада что вы оценили. Он также еще и бывший муж, но дорогой друг, и та самая первая любовь, которая не ржавеет – поэтому мне всегда приятно говорить о нем и отмечать его заслуги

Дарья Шафрина Только сегодня говорили про проституцию в науке! В тему!

Анализ состава авторов комментариев и перепостов позволяет говорить и о большом географическом резонансе незамысловатой, в общем-то, и далеко не самой остроумной реплики Драгунского. Эффективность его работы связана и с предварительной известностью вне сети, и с регулярной публикаторской деятельностью в Facebook'е. Также активно реализует себя в Facebook'е и его жена, профессор-экономист Ольга Буторина (<https://www.facebook.com/olga.butorina.94>).

Личность, обращенная к вечным проблемам и проклятым вопросам бытия, является задачей современной культуры и перспективой духовного роста для нашего современника. Парадоксально и удивительно, что в современной ситуации это неизбежно сопрягается с сиюминутным активизмом, с перманентным продуцированием злободневных смыслов, с ежедневно возобновляемой харизмой.

Библиографический список

1. Драгунский, Денис [Электронный ресурс] / Д. Драгунский. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/denis.dragunsky>
2. Дубин, Борис «Сейчас – период прощания с книгой» [Электронный ресурс] / Борис Дубин. – Режим доступа: <http://urokiistorii.ru/taxonomy/term/424/51820>
3. Ермолин, Е. Жить и умереть в Перми [Текст] / Е. Ермолин // Новый мир. – 1997. – № 12. – С. 220–227.
4. Ермолин, Е. Идеалисты. Интеллигенция бессмертна! [Текст] / Е. Ермолин // Новый мир. – 2003. – № 2. – С. 236–246.
5. Мартынов, В. И. Автоархеология. 1952–1972 [Текст] / В. И. Мартынов. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2011. – 240 с.
6. Мартынов, В. И. Автоархеология на рубеже тысячелетий [Текст] / В. И. Мартынов. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2013. – 192 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Dragunskij, Denis [Elektronnyj resurs] / D. Dragunskij. – Rezhim dostupa: <https://www.facebook.com/denis.dragunsky>
2. Dubin, Boris. «Sejchas – period proshhaniya s knigoj» [Elektronnyj resurs] / Boris Dubin. – Rezhim dostupa: <http://urokiistorii.ru/taxonomy/term/424/51820>.
3. Ermolin, E. ZHit' i umeret' v Permi [Tekst] / E. Ermolin // Novyj mir. – 1997. – № 12. – S. 220–227.
4. Ermolin, E. Idealisty. Intelligentsiya bessmertna! [Tekst] / E. Ermolin // Novyj mir. – 2003. – № 2. – S. 236–246.
5. Martynov, V. I. Avtoarkheologiya. 1952–1972. [Tekst] / V. I. Martynov. – M.: Izdatel'skij dom «Klassika-XXI», 2011. – 240 s.
6. Martynov, V. I. Avtoarkheologiya na rubezhe tysyacheletij. [Tekst] / V. I. Martynov. – M.: Izdatel'skij dom «Klassika-XXI», 2013. – 192 s.